

Сусанна Михайловна Георгиевская

«Галина мама»

Глава первая

Есть на свете город Куйбышев. Это большой, красивый город. Улицы в нём зелёные, как сады, берега зелёные, как улицы, и дворы зелёные, как берега. Под высоким берегом течёт Волга. По Волге летом ходят пароходы и причаливают то к тому, то к другому берегу. Во время войны в городе Куйбышеве жили девочка Галя, Галина мама и Галина бабушка – их всех троих эвакуировали из Ленинграда. Галина бабушка была ничего себе, хорошая, но мама была ещё лучше. Она была молодая, весёлая и всё понимала. Она так же, как Галя, любила бегать после дождя босиком, и смотреть картинки в старых журналах, и топить печку с открытой дверкой, хотя бабушка говорила, что от этого уходит на улицу всё тепло. Целую неделю Галина мама работала. Она рисовала на прозрачной бумаге очень красивые кружки, большие и маленькие, и проводила разные линеечки – жирные или тоненькие как волосок. Это называлось «чертить».

По воскресеньям Галя и мама ездили на пароходе на другой берег Волги. Волга была большая. Плыли по ней плоты и лодки, шёл пароход, разгоняя в обе стороны длинные волны. А на берегу лежал волнистый мягкий песок, лез из воды упругий остролистый камыш с бархатными щётками, и летали в тени стрекозы – несли по воздуху свои узкие тельца на плоских, сиявших под солнцем крыльях. Там было так хорошо, как будто совсем нигде нет никакой войны.

Вечером Галя и мама гуляли по набережной.

– Мама, машина! – кричала Галя. – Попроси!..

Галина мама медленно оборачивалась – не сидит ли у калитки бабушка. Если бабушки не было, она поднимала руку. Грузовик останавливался.

– Подвезите нас немножко, пожалуйста, – говорила мама. – Моей девочке так хочется покататься!

Люди на грузовике смеялись. Потом какой-нибудь грузчик или красноармеец, сидящий в кузове, протягивал сверху руку. Грузовик подпрыгивал на ухабах. Мама и Галя сидели в открытом кузове на мешке с картошкой или на запасном колесе, обе в ситцевых платицах, сшитых бабушкой, и держали друг друга за руки. Галя смеялась. Когда машину подбрасывало, она кричала: «Ой, мама! Ай, мама!» Ей хотелось, чтобы видел весь двор, вся улица, весь город Куйбышев, как они с мамой катаются на машине. Машина тряслась на неровном булыжнике мостовой. Их обдавало пылью.

– Спасибо, товарищи, – говорила мама. Машина вздрагивала и останавливалась.

– Галя, скажи и ты спасибо.

– Спасибо! – кричала Галя, уже стоя на мостовой. Вверху улыбались красноармейцы.

Один раз, когда Галя с мамой гуляли по улицам города Куйбышева, они увидели, как в трамвай, идущий к вокзалу, садились пятеро молодых красноармейцев в полном снаряжении. Должно быть, они уезжали на фронт.

Красноармейцев провожали колхозницы. Колхозницы плакали и целовали своих сыновей и братьев. Вся улица вокруг них как будто притихла. Люди останавливались и молча покачивали головами. Многие женщины тихонько плакали. И вот трамвай дрогнул. Нежно звеня, покати́л он по улицам города Куйбышева. За ним побежали колхозницы, что-то крича и махая платками. Галя с мамой стояли на краю тротуара и смотрели им вслед.

– Галя, – вдруг сказала мама, – я не хотела тебе раньше говорить, но, наверно, уже пора сказать: я тоже скоро уйду на фронт.

– Уйдёшь? – спросила Галя, и глаза у неё стали круглые и мокрые. – На фронт? Без меня?

Глава вторая

А через два месяца Галя и бабушка провожали маму на фронт. На вокзале толпились люди. Бабушка подошла к пожилому военному и сказала:

– Товарищ военный, дочка моя на фронт едет. Единственная. Молоденькая совсем... Будьте уж столь любезны, если вы едете в этом поезде, не дайте её в обиду.

– Напрасно, мамаша, беспокоитесь, – ответил военный. – Какая тут может быть обида!

– Ну вот и хорошо, – сказала бабушка. – Благодарствуйте.

Стемнело. На вокзале зажглись огни. В их жёлтом свете сиял, как лёд, сырой от дождя перрон. Поезд тронулся. Бабушка побежала за вагоном. Она кричала: «Дочка моя! Доченька моя дорогая!» – и хватала на бегу проводницу за рукав, как будто от неё зависело уберечь здоровье и счастье мамы. А мама стояла в тамбуре за проводницей и говорила:

– Мамочка, не надо. Мамочка, оставь. Мамочка, я ведь не одна, неудобно... Не надо, мамочка!

Поезд ушёл в темноту. Галя и бабушка ещё долго стояли на перроне и смотрели на красный убегающий огонёк. И тут только Галя поняла, что мама уехала, совсем уехала. Без неё. И громко заплакала. Бабушка взяла её за руку и повела домой. Тихо-тихо повела. Бабушка не любила ходить быстро.

Глава третья

А мама в это время всё ехала и ехала. В вагоне было почти совсем темно. Только где-то под самым потолком светился, мигая, фонарь. И оттуда вместе со светом шли облака махорочного дыма. Все скамейки были уже заняты. Мама сидела на своём чемоданчике в коридоре вагона, увозившего её на фронт. Она вспоминала, как бабушка бежала за поездом в своём развевающемся платке, вспоминала круглое личико Гали, её растопыренные руки, пальтишко, перехваченное под мышками тёплым вязаным шарфом, и ножки в маленьких тупоносых калошах... И она шептала, как бабушка: «Дочка моя, доченька моя дорогая!..»

Поезд шёл мимо голых деревьев, шумел колёсами и катил вперёд, всё вперёд – на войну.

Глава четвёртая

Есть на свете суровый, холодный край, называемый Дальним Севером. Там нет ни лесов, ни полей – есть одна только тундра, вся затянута ледяной корой. Море, которое омывает этот студёный край, называется Баренцевым. Это холодное море, но в нём проходит тёплое течение Гольфстрим, и от этого море не замерзает. Там стоял во время войны наш Северный флот.

Галина мама получила приказ быть связисткой при штабе флота. Штаб связи помещался в скале – в самой настоящей серой гранитной скале. Матросы вырубili в ней

глубокую пещеру. У входа всегда стоял часовой, а в глубине, под тяжёлым сводом, девушки-связистки днём и ночью принимали и передавали шифровки.

«Вот если бы моя Галя увидела, куда я попала! – иногда думала Галина мама. – Какая тут пещера и какие скалы!.. Когда будет можно, я ей про это напишу».

Но шла война, и писать о том, в какой пещере помещается штаб, было нельзя, да Галиной маме и некогда было писать длинные письма. То нужно было стоять на вахте, то дежурить на камбузе – так у флотских называется кухня, – то ехать по заданию начальника в город Мурманск или на полуостров, где держала оборону морская пехота и где шли в то время самые горячие бои.

Глава пятая

И вот однажды Галина мама поехала верхом на лошади отвозить важный пакет в боевую охрану Рыбачьего полуострова. Вокруг неё было огромное белое поле, пустое и ровное. Только далеко, там, где небо упирается в землю, стояли неровными зубцами горы. Это был хребет Тунтури. Нигде не росло ни деревца, ни кустарника. Снег и камень лежали на белой равнине. И шёл по равнине колючий ветер и бил в глаза лошадёнке и Галиной маме. И было так пусто кругом! Даже птицы не было видно в синем небе. Лошадь проваливалась в сугробах и уходила в талую воду по самое брюхо. С правой стороны в тундру врезался залив. Берег был однообразный: щебень и галька.

– Ну, ты, пошла, пошла! – понукала Галина мама свою лошадку. И вот они выбрались к самому заливу – лошадь со взмокшим брюхом и мама в разбухших от воды сапогах.

Залив был гладкий, как лист гляцевитой бумаги. Высокое, синее, поднималось над ним небо. От синевы щемило в глазах и в сердце – так чист, так спокоен был небесный купол. И вдруг воздух дрогнул. Откуда-то, со стороны Тунтурей, прилетела мина. С грохотом брызнули в небо камни и снег. Лошадь прижала уши, и мама почувствовала, как она дрожит.

– Ну, старушка родная, гони! – закричала мама и изо всех сил пришпорила лошадь.

Лошадь дёрнулась, кинулась вскачь, хрипя и спотыкаясь. А вокруг них земля дрожала от новых взрывов. Это фашист, который засел на сопках, обстреливал сверху подходы к нашим землянкам, чтобы никто не мог ни подойти, ни подъехать к ним.

Не успела мама отъехать от первой воронки и десяти метров, как что-то словно стукнуло её по плечу. Лошадь всхрапнула, взвилась на дыбы, а потом сразу упала на снег, подогнув передние ноги.

Мама сама не знала, долго ли она пролежала на снегу. Время было весеннее, солнце в тех краях весной и летом не заходит, и она не могла угадать, который теперь час. А часы у неё сломались. Она очнулась не то от боли в плече, не то от холода, не то просто так. Очнулась и увидела, что лежит на взрытом снегу, рядом со своей убитой лошадкой. Маме очень хотелось пить. Она пожевала снегу, потом потихоньку вынула ногу из стремя, поднялась и пошла вперёд. Рукав её куртки совсем взмок от крови. Её тошнило. Но мама не возвратилась в штаб и даже ни разу не обернулась, не подумала, что можно возвратиться. Она шла вперёд, всё вперёд, одна в пустынном и белом поле. А вокруг неё тундра так и гудела от взрывов. Мёрзлые комья взлетали до самого неба и, дробясь на куски, валились вниз.

Мама шла очень долго. Она с трудом переставляла ноги и думала только одно: «Ну ещё десять шагов! Ну ещё пять! Ну ещё три!» Она сама не поверила себе, когда увидела наконец, что беловато-серые зубцы гор совсем близко подступили к ней. Вот уже виден и жёлтый дым наших землянок. Ещё сто раз шагнуть – и она пришла.

– Пришла!.. – сказала мама и упала в снег: ей стало совсем худо.

Минут через сорок бойцы заметили издали на снегу её чёрную шапку-ушанку. Маму подняли и понесли на носилках в санитарную часть. В санчасти на маме разрезали куртку и под курткой нашли пакет, который она принесла из штаба.

Глава шестая

В Куйбышеве бабушка и Галя получили письмо – не от мамы, а от начальника госпиталя. Сначала они очень испугались и долго не могли понять, что там написано. Но потом всё-таки поняли, что Галина мама ранена, упала с лошади и чуть не замёрзла в снегу.

– Так я и знала! Так я и знала! – плача, говорила бабушка. – Чужло моё сердце!

– Моя мама ранена, – рассказывала Галя во дворе. – Мы так и знали!

Соседские девочки, которые отправляли подарки бойцам на фронт, сшили для мамы кисет и вышили: «Смело в бой, отважный танкист!» Они не знали, что Галина мама была связисткой.

Кисет с махоркой девочки отдали Галиной бабушке. Бабушка высыпала махорку и положила в кисет носовые платки, гребешок и зеркала.

А потом Галя поехала с бабушкой в Москву, где лежала в госпитале мама. Они остановились у родных, в Большом Каретном переулке, и каждый день ездили на троллейбусе номер десять навещать маму. Бабушка кормила маму с ложечки, потому что мамины больные, отмороженные руки ещё не двигались. А Галя стояла рядом и уговаривала её, как маленькую: «Ну, съешь ещё немножечко! Ну, за меня! Ну, за бабушку!..»

Глава седьмая

И вот мама почти совсем поправилась. Её выписали из госпиталя и дали ей отпуск на месяц. Она опять научилась быстро ходить и громко смеяться, только руки у неё ещё не гнулись, и бабушка причёсывала её и одевала, как раньше одевала и причёсывала Галю. А Галя возила её через день в госпиталь на электризацию, брала для неё в троллейбусе билет, открывала ей двери, застёгивала на ней шинель. И мама называла её: «Мои руки».

Как-то раз мама получила открытку, на которой красивыми лиловыми буквами было выстукано по-печатному: «Уважаемый товарищ, вам надлежит явиться в наградной отдел такого-то числа, в три часа дня». Открытка была послана несколько дней назад, но пришла с опозданием. Такое-то число было уже сегодня, а до трёх часов оставалось всего полтора часа.

Мама, Галя и бабушка поскорей оделись и поехали в наградной отдел. Они приехали без десяти три. Галя с трудом оттянула тяжёлую дверь, и они с мамой вошли в подъезд. А бабушка не захотела войти.

– Я лучше здесь подожду, – сказала она. – Уж очень я волнуюсь.

У вешалки с мамы сняли шинель, а Галя сама сняла свой тулупчик. И тут всем стало видно, что под шинелью у мамы – красивая, парадная форма офицера Военно-Морского Флота, а под тулупчиком у Гали – матросская блуза, перешитая бабушкой из маминой краснофлотской фланелевки.

– Глядите-ка! Два моряка! – сказала гардеробщица.

Они поднялись по широкой лестнице. Впереди шла мама, осторожно неся свои руки в перевязках, а сзади – Галя. За дверью сказали: «Прощу!» – и они вошли.

У стола сидел человек. Перед ним лежала белая коробочка. Всё сияло на человеке: золотые погоны, два ряда пуговиц, золотые нашивки на рукавах и много орденов. Галя и мама остановились у дверей. Галя посмотрела на маму. Мама была так красиво причёсана! Над воротом синего кителя виднелся край крахмального воротничка. Из бокового кармана торчал платочек. А в кармане юбки – Галя это знала – лежал подарок куйбышевских ребят: кисет с надписью «Смело в бой, отважный танкист!». Как жалко, что кисета не было видно!

Мама стояла навытяжку. Рядом в матросской куртке стояла навытяжку Галя. Человек покашлял и взял коробочку. Он сказал:

– За ваши заслуги в борьбе с захватчиками... – и протянул коробочку.

Но мамины руки лежали в чёрных перевязках. Они были в рубцах и лилово-красных пятнах, похожих на ожоги. Они защищали Родину, эти руки. На них остался багровый след её холодов и вражеского огня. И человек, стоявший против мамы, на минуту задумался. Потом он шагнул вперёд, подошёл прямо к Гале и отдал коробочку ей.

– Возьми, девочка, – сказал он. – Ты можешь гордиться своей мамой.

– А я и горжусь! – ответила Галя.

Но тут мама вдруг отчеканила по-военному:

– Служу Советскому Союзу!

И они обе – мама и Галя – пошли к двери. Впереди шла Галя с коробочкой, сзади – мама с руками в перевязках. Внизу, в подъезде, Галя открыла коробочку. Там был орден Отечественной войны – единственный орден, который передаётся по наследству детям.

У входа их поджидала бабушка. Она увидела мамин орден и громко заплакала. Все прохожие стали на них оглядываться, и мама сказала бабушке:

– Мамочка, не надо! Перестань, мамочка! Я ведь не одна. Таких много... Ну, не плачь, право же неудобно!..

Но тут какая-то пожилая женщина, проходившая мимо, заступилась за бабушку.

– Отчего же! – сказала женщина. – Конечно, матери очень лестно. И не захочешь, да заплачешь!

Но Галиной бабушке так и не удалось поплакать вволю на улице. Галя тянула её за рукав. Она торопилась домой, в Большой Каретный. Ей хотелось скорее-скорее рассказать во дворе всем ребятам, как и за что они получили орден.

А так как я тоже живу в Большом Каретном, в том самом доме, в том самом дворе, то и я услышала всю эту историю и записала её слово в слово от начала до конца – по порядку.